

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

**ДОРОГА ДЛИНОЮ
В 50 ЛЕТ**

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА РАКЕТНЫХ
ВОЙСК МЕЛЕХОВА ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА

Петр Петрович Котельников
Дорога длиною в 50 лет.
Памяти генерал-лейтенанта
ракетных войск Мелехова
Виктора Михайловича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584050
ISBN 9785448307799

Аннотация

Он не собирался стать военным но.... Не хватало пяти месяцев для достижения семнадцатилетия, когда его призвали в армию. Началась война! Годичная учёба в Ленинградском училище, и он уже на фронте, под Сталинградом. Потом было сражение на Курской дуге, Карелии. Было и разжалование со звания капитана до рядового. Был и сбитый южно-корейский самолет... Он был скуп на слова, ещё скупее в переписке. Не было у него семьи, не оставил он детей – всё было отдано Армии.

Содержание

Обстановка деревенская	5
Голод на Руси – явление частое	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Дорога длиною в 50 лет
Памяти генерал-лейтенанта
ракетных войск Мелехова
Виктора Михайловича
Петр Петрович
Котельников**

© Петр Петрович Котельников, 2016

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4483-0779-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обстановка деревенская

Давайте заглянем в маленькое село, расположившееся на берегу реки Сейм, который часть пути своего по России протекает, потом катит воды свои по Украине и впадает в Десну, прежде величаемую – «красавицей». Теперь от красоты ее прежней мало что осталось, да и воды из голубых стали почему-то желтыми. Да и Сейм, воспетый автором «Слово о полку Игореве», здорово сдал. Прежде, во времена императрицы Екатерины Великой, владелец дворца в Батурине князь Кирилла Разумовский собирался от Сейма к дворцу своему канал прорыть, чтобы ладьи парусные, как лебеди белые, пересекали чистые, как слеза, воды Сейма и к набережной дворца подходили, из малых пушек салютуя. Да и в советское время, довоенное, трудился Сейм, таская на груди своей небольшие суда, волокущие солидного размера баржи с товарами всякими. Потом Сейм стал чахнуть, поскольку хозяева все делали для того, чтобы река «усохла», пользуясь рекомендациями доморощенных гидрологов. В описываемое мною время Сейм выглядел еще вполне величаво, а в половодье заливал огромные земные пространства. На тех лугах заливных четвероногих разных паслись стада, не считая уже птицы водоплавающей.

В 12 км. от города Рыльска Курской области в излучине Сейма, на правом берегу его обосновалось село Жадино.

В советское время село захирело, в деревню превратилось. До революции село торговым да богатым было. Располагались здесь лабазы купца первой гильдии Котельникова, лавки многочисленные.

Революция прошла, лавки те, да лабазы исчезли, словно корова их слизнула. Осталась одна лавка небольшая от Сельпо торгующая, чтобы селяне могли купить кое-что по мелочи, да еще сахару, да соли. Естественно, тут можно было не только леденцов кулечек купить, но и спички, и керосин. Электричества в ту пору не было, застряла где-то по пути к деревне лампочка Ильича, столбов, наверное, не хватило?

В одной из изб невеликой и немалой проживала семья Мелехова Михаила Максимовича, человека грамотного, надежного, служившего красноармейцем в гражданскую войну, и вместе со всем полком в партию большевиков вступившего в 1917 году. Жизнь крестьянская налаживалась. Земли крестьянам по ленинскому декрету добавили. Легко вздохнул крестьянин, всю жизнь мечтавший о земле и воле. Женился на односельчанке Анне Карцевой. Вот и детки появились: сын Виктор, 1923 года рождения, и дочь Сима (Серафима) 1925 года.

Неподалеку находилась изба старшего брата Михаила – Ивана Мелехова. Во время войны оба брата в одной части служили. Разделились уже после смерти отца – Мелехова Максима Васильевича, человека на селе весьма уважаемого, даже в годы Гражданской войны в старостах сельских ходив-

шего. Доставалось старосте от белых за то, что два сына его у красных служили. И, кто знает, как бы оно повернулось, если бы не старшая дочка Полина, вышедшая замуж за белого офицера?

Повествование мое в основе своей посвящено Виктору Михайловичу Мелехову, поэтому семью Ивана Максимовича Мелехова, детей его Валентина и Елену я оставляю в стороне, как впрочем, и иных людей, по жизни и родству близко с героем моего повествования сталкивающихся.

Итак, продолжу:

Обстановка в этом уголке России была обычная, деревенская; здоровье и жизнь от здорового образа жизни черпали, с землею связанного. Пища обычная, не изобилующая жирами, но без всяких химических добавок, ту, которую принято называть сегодня «экологически» чистой.

Воду брали для всех нужд прямо из реки без всяких беззараживающих химических соединений. По вкусу она была самой водой пахнущая – мягкая, без запаха хлора напоминала дождевую. Когда волосы такой водой моешь, никаких шампуней не надо – рассыпаются, как шелковые.

Физзарядкой и спортом в селе никто тогда не занимался. Движений в крестьянской повседневной работе было более, чем достаточно. Одежда не обременяла тела. Летом и зимой хватало и солнца и ветра, да и чистого воздуха доставалось немеряно. Вот и бегали дети с виду тощие, животом пузатые, а здоровьем крепкие.

К работе крестьянской приучают с малых лет. Учат, как запрягать лошадь следует, как поить и как кормить ее, как седлать. И за плугом как идти учат, и как зерно следует сеять из короба, через плечо висящего – ведь сеялок не было. И как зерно от половы отбить.

И все это знал и умел тогда еще обычный деревенский мальчишка, герой моего небольшого повествования. И вышел бы из Виктора Мелехова крестьянин настоящий, пахарь русский, мужик работающий, если бы не...

Голод на Руси – явление частое

Наступило лето тридцать второго года. Да, лето для всех – пора благодатная. Это про него в деревне говорят: «Лето – год кормит!»

Только результат кормежки раз на раз не приходился: то густо, то пусто. Лето тридцать второго года удачным никак не назовешь. Яровые быстро взошли и поднялись, яркой зеленью радуя глаз, да вот беда – с первой декады мая месяца ни капли дождя с небес не упало. Да и росы утренние тоже редкими стали. Колос не налился. И озимые не слишком радовали глаза крестьянские. Картошка тоже не умиляла их.

Мальчишек крестьянских это пока не беспокоило. Учебный год закончился у них, в школу ходить не нужно. В самой школе познание вечного и разумного приходило не в великом объеме и даже неизвестно, когда у каждого учащегося наступило осознание значимости разума самого?

Когда приоткрылось окошко в мир, огромный мир, светлый, грозный, мятущийся? В него предстояло войти и найти себе место, переступив порог темной крестьянской избы.

Привычный деревенский мир быстро менялся. По-прежнему на току цепами молотили хлеб вручную, поднося снопы и бросая их под цепи. Зерно отбивали от половы, просеивая обмолоченные колосья из решета на месте, обдуваемом ветром на рядно подстеленное. Но уже появился на колхозном

поле первый трактор на колесах с высокой вверх торчащей трубой, пофыркивающий непривычным для сельского жителя запахом дыма. В этот день Витя пришел домой взмыленный, с трудом снимая обувь, сказал: «Ну, и умаялся же я, за ним бегая! Страсть, как быстро пашет!»

Кто осудит любопытство мальчишки, впервые увидевшего трактор?. А ведь предстояло ему увидеть еще многое. На ту пору и горожане, толпой высыпав из квартир своих наружу, и задрав головы к небесам голубым и безоблачным, прикрывая ладонями глаза от острого, слепящего солнечно-го света, громко кричали удивленными голосами:

«Гляди, гляди! Вишь, аэроплан летит?»

«Где, где?»

«Да не туда ты смотришь! Гляди на вершину вон того дерева! Да нет, чуть-чуть правее. Вон брюхом вниз перевернулся...»

А ведь наступит время, когда Виктор Михайлович Мелехов будет чертить синусоиды и кардиоиды, рассчитывать в парсеках путь ракеты, запущенной с земной поверхности.

Где и в каком количестве приходила и познавалась истина?

В каком участке вселенной тайна мироздания таится?

Вопросы эти и другие – продукт взаимодействия видимого материального и невидимого духовного миров? Не заостряем внимания на этом, а потому и не помним граней жизни своей.

И заставит разум Мелехова Виктора коснуться предмета, занимающегося решением этих вопросов, называемого философией. Пусть кого-то удивит это, но ракетчик-артиллерист защитил кандидатскую диссертацию, став кандидатом философских наук, сделав это в Советское время, когда ученые степени зарабатывали трудом немалым, а не штамповались. Купить, как это делается сейчас, ученую степень было невозможно.

Но все это будет значительно позднее. А пока девятилетнему мальчишке предстоял каникулярный отдых в сочетании с обычной крестьянской работой.

Летние каникулы пришли, нужно было здоровьем на следующий год запастись. А чем, особенным на селе, расположенным на берегу реки заняться? Естественно, рыбной ловлей на зорьке ранней, когда рыбка, оголодав за ночь, на наживку особенно кидается. Тишина по утрам на реке оглушительная, слышно, наверное, как лягушка в тине густой с боку на бок ворочается. Течение реки днем довольно быстрое, по утрам, кажется, медленным делается, заснула крепким сном река поздним вечером, к зорьке ранней не проснулась. Даже легкий туман, повисший над водой, сбросить с себя не может. Трава, растущая по краям тропинки, вьющейся вдоль берега реки, холодит подошвы ног, то и дело ступающих на нее. Нет на ней капелек росы, как бывало прежде, не видно их и на осоке, и на листьях рогоза. Витя Мелехов идет в компании таких же как и он сам огольцов. По утрам

прохладно, поэтому на нем надета отцовская рубашка старенькая, потрепанная, ниже колен края ее болтаются, рукава до локтей засучены, отчего особенно видна несоразмерность детских рук и рукавов. На плече удилище лежит, изготовленное из длинной тонкой палки, прежде бывшей ветвью вербы. Кору с нее Витя не снимал, высохнуть ей позволил и ножом столовым множественные зарубки на ней сделал. Так, вроде бы, красивее стало, да и отличить от других удилищ легче. Леской служат куски волоса из конского хвоста, насильственно у лошади вырванные, естественно, с риском в ответ получить удар копытом в зубы. Крючок удочки не заводской, а кустарного производства, долго изготавливаемый из кусочка проволоки. Вместо грузила гайка небольшая, вместо поплавок – пробка из-под винной бутылки с прoderнутым в нем кусочком гусяного пера.

Место рыбной ловли давно обжитое, вблизи одинокой ольхи находящееся. Здесь и посидеть можно на небольшом пенёчке, оставшемся от сломанной березки, бывшей подружки ольхи. В прошлом году березку ветром сломало, крона ее усохла, кто-то спилил дерево, пенек оставив. Побегов пенька не дал, так и оставшись простым и сухим пеньком. В этом месте и рогоз расходится, образуя подход к воде, и берег обрывом вниз уходит в глубину темную, непроглядную. В общем, – место для рыбной ловли самое подходящее. Тут можно кроме плотвы мелкой да карасей кое-что и покрупнее поймать. Как-то Витя щуку тут изловил крупную, с руку его

длиной и чуть даже потолще ее. Чуть с крючка не сорвалась проклятая, ожесточенно прыгая. Отметину на большом пальце правой руки оставила, как бритвой срезав кусочек кожи, когда мальчишка ее утихомирить пытался. Кровь рекой лилась, но шуку не выпустил. Потом долго кровотечение не мог остановить. И плевал на рану, и глиной замазывал...

На Сейме рыба и покрупнее той шуки водится. Взрослые детей пугают говоря, что в омутах, вблизи острова «Зарьки» сомы огромные обитают. Вроде бы залегли и дремлют на самом дне омута, а на самом деле только и ждут живности какой-никакой. Чуют рыбины огромные с усами длинными у расщелины рта, когда над ними что-то проплывает, быстро всплывают наверх, хватают добычу и целиком заглатывают. Говорят взрослые, что те сомы не только гусей плавающих заглатывали, но и детей неосторожно сюда приплывающих.

Такому Витя поверить не мог. Не мог он представить рта сома того, кто человека проглотить может. Ну, может, если ребенок тот мал очень. Но малые дети не могут преодолеть такое расстояние сами. Они у самого берега, не умея плавать еще, барахтаются в воде неглубокой, на отмели, где вода полого уходит в глубину и песочек светлый желтый сквозь воду просвечивает. Видно даже как солнечные лучики с песчинками в пятнашки играют. Нет, не поверил Витя рассказам взрослых и несколько раз плавал в одиночку к омутам тем.

Пока по тропинке к ольхе подходили, и зорька утренняя цветами розовыми и желтыми яркими расшитая, лицо

свое свежее, умытое показала. Вслед за зорькою и солнышко рыжее-прерыжее, как колобок подрумяненный выкатилось. А вскоре и рубаха для Вити оказалась ненужной. Снял он и бросил ее на пенек березовый.

Правда, тут же слепни стали тревожить тощее тело мальчишки, но с ними тот привык разбираться: один хлопок ладонью и, как ни проворен слепень, уйти из-под удара не успевает.

Туман поднялся с поверхности воды и исчез. Вдали стая уток из зарослей рогоза вверх взмыла и полетела куда-то на север. Что спугнуло их, кто знает? Птица-то осторожная, пугливая, близко к себе не подпустит.

Со стороны деревни слышалось мычание коров, сгоняемых пастухом в стадо. Время быстро и незаметно бежало. Солнце уже высоко над лесом поднялось. Клев, быстро начавшийся, исчез. Улов совсем маленький: с десятков плотвичек, два щуренка, линь...

«На жиденькую уху хватит» – решил Витя, сматывая удочку. «Пора домой. Мать, наверное, ждет!»

Друзья, менее удачливые, остались, надеясь, что еще повезет с ловлей..

Мать Вити, черноволосая Анна Григорьевна, женщина по-своему добрая, но, при случае, способна была хлестнуть мокрой тряпкой по шее или спине сыночка непутевого, где-то и подолгу пропадающего. Схлопотав удар, как правило, решительных дальнейших действий матери мальчишка

не дожидаясь, пускаясь в бег. Он отлично изучил характер матери, через час, как ни бывало, возвращался домой, зная, что мать отходчива. Только покачает, бывало, головой да скажет незлобно: «Небруй! Антихрист! Бандит ты этакий!» Кто такой «небруй», какого он вида и откуда взялся, Витя не знал. Но знал, что речь идет о каком-то человеке, скорее лохматом и неряшливом. Такие часто проходили по улицам деревни, босые, в одежде с многочисленными дырами, с холщевой сумкой через плечо. Бродили в одиночку, если зрячими были; ходили в сопровождении поводыря, если были слепы. Причиной слепоты большинства побирающихся в те времена была трахома, о которой мы сегодня и не слышим..

На речке хорошо время проводить, но и в лесу не хуже. Над головой вершины деревьев покачиваются, листвой шурша. Ноги мягко ступают по траве зеленой. Да и лежать в траве на поляне, раскинув руки и ноги, приятно, особенно, когда ветерок обдувает разгоряченное солнцем тело.

Да, как чудесно бы в лес отправиться по ягоды и грибы!.. Только в этом году в лесу не найти ни ягод, ни грибов. Сушь и до леса добралась.

Лето – прекрасная пора, но быстро пролетающая. Не успел теплом насладиться, как и осень уже приходит. В этом году осень была нерадостной: на трудовень по 250 граммов зерна дадено. А это означает одно, – придется крестьянину поясок потуже затянуть. Прежде, отправляясь в школу, в сумку с тетрадями и книжками Витя клал

большую краюху хлеба, несколько вкрутую вареных яиц и кусочек сала. Этой осенью краюха резко уменьшила свои размеры, а яйца заменили в мундирах вареные картофелины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.